

вездѣ искусство, рука человѣка; объ овражищахъ (?) осталось одно воспоминаніе. Таковы результаты дѣятельности человѣка—этого за-
 блятаго, и торжествующаго измѣнителя лица природы!“ (стр. 32).
 Въ статьѣ о Казани, напомнивъ, какъ при Иванѣ Грозномъ пала
 „гордая Казань“, авторъ продолжаетъ: „съ тѣхъ поръ прошло *болѣе*
трехъ столтій—и Казань *неузнаваема* (?): изъ разбойничьяго гнѣзда
 она превратилась въ центръ промышленности, торговли и офици-
 ціально считается умственнымъ центромъ Поволжья.. Теперь лучшіе
 люди казанскіе не гарцуютъ на красивыхъ коняхъ, не джигитуютъ (!),
 а пишутъ; пишутъ вездѣ: и у себя на дому, и на службѣ, и въ кон-
 торахъ, и въ многочисленныхъ канцеляріяхъ“ и т. д. (стр. 94).
 Далѣе авторъ рассказываетъ, что въ Казани существуетъ модный
 обычай подносить дамамъ букеты изъ живыхъ цвѣтовъ, какъ „не-
 обходимое условіе, чтобы заслужить вниманіе и расположеніе дамы“,
 и затѣмъ ирииво разсуждаетъ: „читатель, вѣроятно, согласится, что
 букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, хотя и прекрасный подарокъ... но
 крайне непрочный. Цвѣты скоро завянутъ, а быстрое ихъ увяданіе
 порождаетъ невеселыя мысли о непрочности красоты, симпатіи,
 дружбы и всего, что краситъ нашу сѣренькую жизнь, что зажигаетъ
 въ ней искру Божію... Не лучше ли поднести любимой особѣ такой
 подарокъ, который могъ бы долго сопротивляться разрушительному
 вліянію времени, вѣтровъ, непогоды и т. п.;—могъ бы служить *сим-*
воломъ прочности тѣхъ отношеній, которыя желательно сохранить“
 (стр. 133). Какъ нужны всѣ эти нѣжности въ путеводителѣ по Волгѣ!
 Памятникъ Державину наводитъ автора на мысль, что „читателю
пріятно будетъ вспомнить кое-что о Державинѣ“, и помогаетъ чита-
 телю вспомнить, что Державинъ родился въ Казани, происходитъ
 „отъ одного изъ татаръ (?), Мурзы Багрима“, что „всю жизнь онъ
 былъ самымъ пылкимъ поклонникомъ всего изящнаго, считая красоту
 женщины высшей красотой природы“ и т. д., что „поэтъ, въ теченіе
 своей жизни, неоднократно находился подъ чарами любви—этой
 неразлучной спутницы красоты. И въ дни молодости, и въ годы
 мужества, и даже на краю могилы (!), онъ довѣрчиво отдавался крот-
 кому владычеству красоты“ (стр. 143). Прелесты!—но нужно ли это
 въ путеводителѣ по Волгѣ? Переходя отъ временъ Державина къ
 современной казанской жизни, авторъ погружается въ меланхолію:
 „такъ здѣсь все безцвѣтно, сѣро; чувства мелкія, вкусы мѣщанскіе;
 преслѣдуется и поносится все, выдѣляющееся изъ общей массы, все,
 напоминающее любимую идею поэта—идею истины, добра и красоты.
 Здѣсь красота и граціозность женщины—истинное несчастіе для нея;
 преслѣдуютъ, злословятъ не только ее, но и всякаго, кто является
 поклонникомъ ея красоты. Здѣсь вкусъ, умѣнье одѣваться—почти-